

[Общество \(https://kommersant.ru/rubric/7\)](https://kommersant.ru/rubric/7)

04.01.2018, 09:57

69К 14 мин.

Грамматический террор

Как большевики свергли правила орфографии

1 января 1918 года победивший пролетариат ввел новую орфографию и сделал ее общеобязательной. Большевики, правда, не придумали ничего нового, а лишь воспроизвели аналогичное распоряжение Временного правительства. Однако если Временное правительство исходило из того, что в течение долгого времени старые и новые правила будут сосуществовать, то большевики решили провести реформу фактически за один день. Насилие оказалось эффективным способом утверждения новых правил орфографии. Так что в глазах потомков реформа ассоциируется с большевиками и до сих пор называется большевистской.

Фото: Corbis via Getty Images

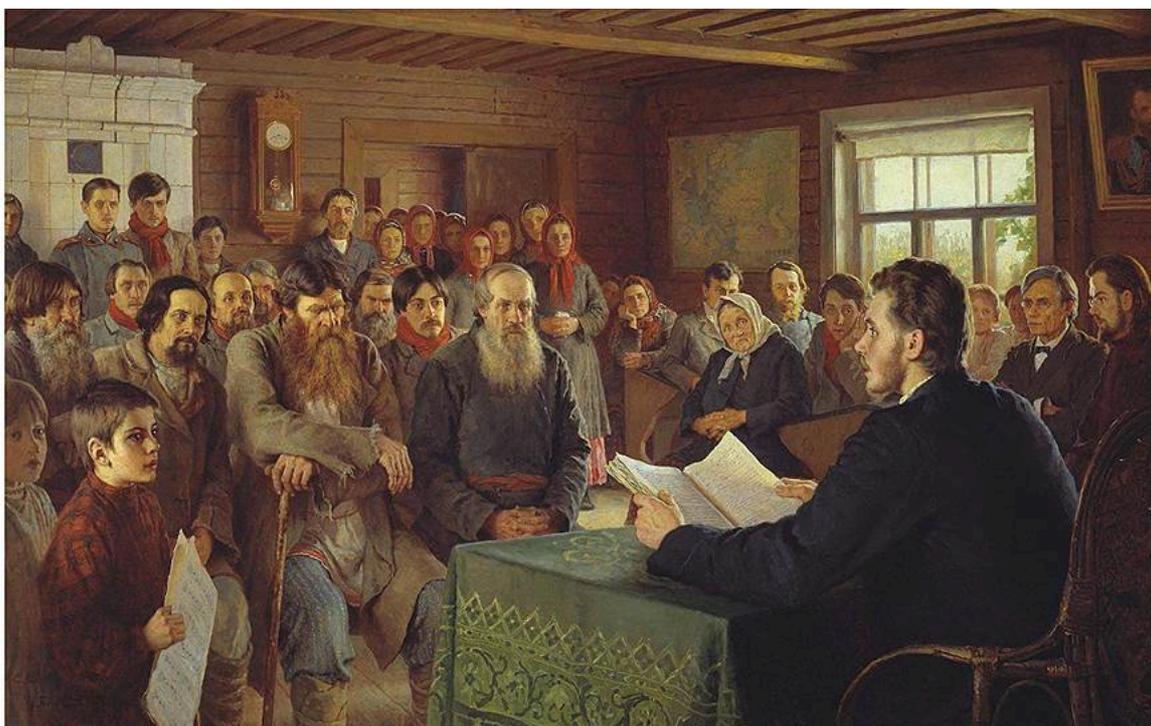
АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА, АЛЕКСАНДР КРАВЕЦКИЙ

Малограмотные грамотеи

В России любят просвещать народ. Образованным сословиям никогда не приходило в голову усомниться в том, что они обладают знаниями, которые необходимы всем. Чему только не учили крестьян энергичные

культуртрегеры! Одни звали крестьян к топору, другие учили их любить веру, царя и отечество, третьи внедряли новомодные способы вспашки земли, четвертые заставляли чистить по утрам зубы, пятые... Ну, в общем, вы поняли. Нетрудно догадаться, что каждый просветитель считал свое дело самым важным и немного презирал всех остальных.

Однако была одна область, по отношению к которой все были единодушны,— это обучение крестьян грамоте. В том, что умение читать и писать является благом и необходимым навыком, радикалы сходились с консерваторами. Последняя четверть XIX века проходила под знаком народного просвещения. Число школ стремительно увеличивалось, и это приносило плоды. По данным переписи 1897 года, среди жителей России в возрасте 10–19 лет было 51% грамотных, в то время как среди 50–59-летних — 20,1%. Разница более чем в два раза!

Благодаря деятельности различных просветителей к концу XIX века в России заметно увеличилось количество грамотных

При этом массовое обучение крестьян грамоте показало удивительную вещь. Через несколько лет после окончания школы даже самые успешные выпускники начинали писать не так, как их учили. На неспособность или же нежелание крестьян писать как положено жаловались практически все педагоги, но при этом никому не приходило в голову поискать в малограмотных крестьянских текстах какую-то систему. Но такая система, вне всякого сомнения, существовала.

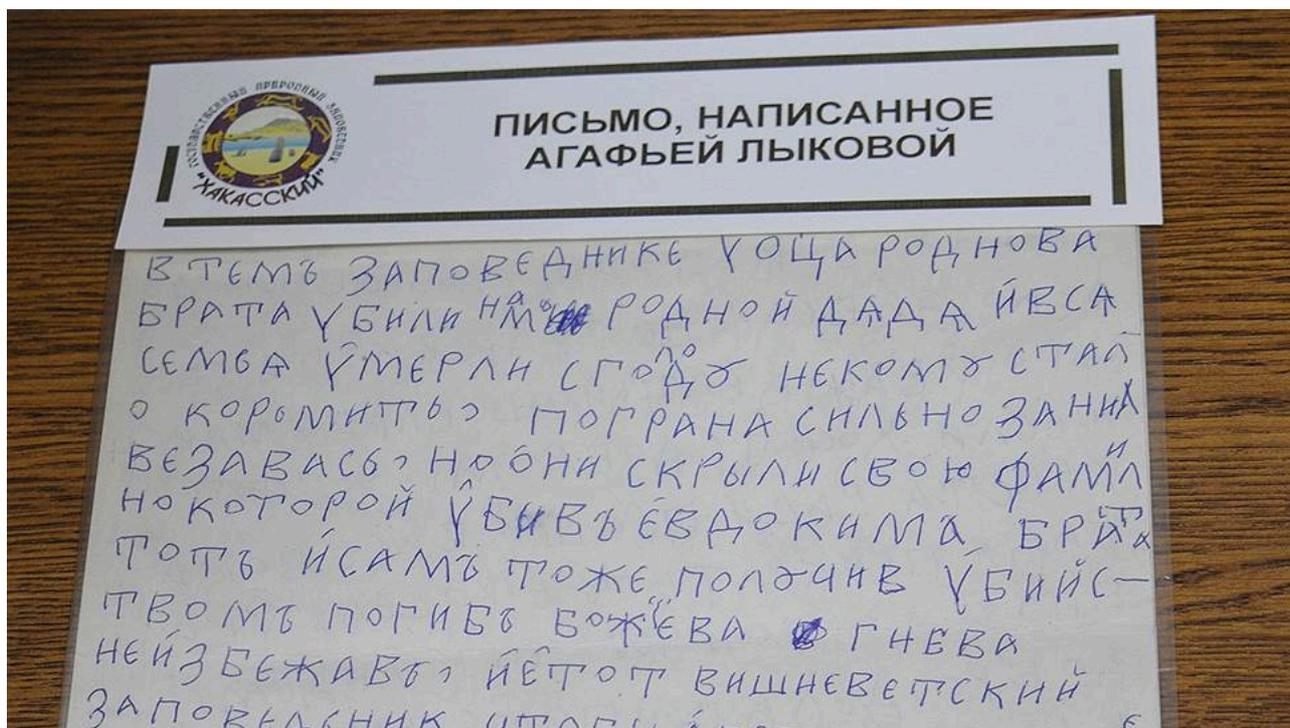
Когда лингвист Василий Богородицкий попытался выяснить, почему бывшие отличники пишут настолько чудовищно, он пришел к выводу, что причиной многих ошибок является отнюдь не невежество. Крестьяне совершенно сознательно пытались минимизировать употребление букв «ять» и «і десятеричное». «Один грамотник,— вспоминал Богородицкий, вовсе не писал буквы “ѣ”, а между тем произносил ее, читая печатные книги. Чтобы убедиться, знаком ли он с рукописным начертанием этой буквы, я написал ее и спросил, знает ли он эту букву; оказалось, что знает. Тогда я полюбопытствовал узнать, почему он не пишет этого знака. Наш грамотник отвечал, что он пишет попросту, без этой буквы, и многие так пишут, в печатных же книгах буква эта употребляется. Также он говорил и про букву “і”, которая тоже не встречалась в его написаниях».

Крестьяне не только писали по-другому, но и их начальное обучение могло сильно отличаться от того, к которому мы привыкли. Дело в том, что параллельно со школьным обучением вплоть до начала XX века сохранялся и архаичный способ обучения грамоте по церковнославянскому букварю, Часослову и Псалтыри. Выучившиеся таким образом люди могли, например, читать и петь в церкви, но вот читать Пушкина или Толстого им было сложно.

Дети, освоившие грамоту по Часослову и Псалтыри, имели весьма своеобразное представление о правилах русского правописания

Этим людям была адресована особая развлекательная литература, которую обычно называют лубочной. Язык лубка сильно отличался от языка классической литературы. С одной стороны, в лубке было множество черт, характерных для церковных книг, с другой — здесь почти не использовались буквы «ять» и «і десятеричное». Крестьяне считали такую орфографию правильной, и создатели лубков старались соответствовать вкусам и представлениям своих читателей. Даже в лубках, воспроизводящих газетные заметки (крестьяне любили читать о придворной жизни), газетный текст переводился в лубочную орфографию.

Орфография крестьянских писем заметно отличалась от стандартной русской. Отшельница Агафья Лыкова пишет так и в XXI веке
 Фото: Александр Колбасов / ТАСС

Крестьяне писали так, как писали авторы лубочных листов. Побороть это ни у кого не получалось, и такая странная орфография сохранялась еще очень долго. Именно так пишет свои письма наша современница Агафья Лыкова, отшельница из семьи старообрядцев-беспоповцев, освоившая грамоту по церковным книгам.

«Ять» на страже старого порядка

Учителям было жаль тех усилий, которые они тратили на обучение крестьян грамотному письму. Горько было видеть, как через несколько лет после выхода из школы бывшие ученики забывали про букву «ять» и

прочие школьные премудрости. Казалось, что проще всего было бы упростить саму орфографию. Ведь если правила будут простыми и естественными, то крестьяне сами не заметят, как начнут им следовать. Конечно же, надежда на то, что упрощение орфографии сделает всех грамотными, была утопичной, но она была близка всем, кто мечтал разрушить социальные и сословные барьеры.

В течение трех предреволюционных десятилетий появились многие десятки книг и статей, авторы которых предлагали различные реформаторские проекты. Символом излишества системы русской орфографии стала все та же многострадальная буква «ъ». «Не лучше ли же,— вопрошала группа калужских учителей,— вместо бессодержательных упражнений на употребление буквы “ять” заняться с учениками хотя бы стилистическими упражнениями и дать им навык, действительно полезный и необходимый, ясно излагать свои мысли, так как жалобы на то, что кончившие курс народной школы не могут толково написать письма, к сожалению, вполне справедливы».

Существует старый анекдот про то, что Николай I однажды решил исключить букву «ять» из русского алфавита, однако знающие люди объяснили царю, что эта буква весьма полезна, поскольку позволяет отличить грамотного человека от неграмотного.

И действительно, в России умение писать букву «ять» там, где надо, играло роль социального барьера, не позволявшего «кухаркиным детям» поступить в университет. Так что школьники имели серьезную мотивацию для того, чтобы зубрить слова, в которых следовало писать «ять».

Неумение грамотно писать часто лишало «кухаркиных детей» возможности продолжать образование.

Фото: РИА Новости

Для этого существовали специальные стишки-запоминалки, например, вот такой: «Бѣднѣйбѣло-сѣрыйбѣсь // Убѣжалбѣднягавѣльсь. // Бѣлкой по лѣсуонѣбѣгаль, // Рѣдкой с хрѣномѣпообѣдалъ. // И за горький сѣйобѣдъ // Дальобѣтъ не делать бѣдъ».

Общественное мнение

В предреволюционной России общественное мнение имело огромное значение. Люди объединялись по интересам, писали статьи в толстые журналы, спорили, создавали и ниспровергали авторитеты. И конечно же, рассуждали о том, как обустроить Россию, исправить дороги и просветить народ.

Педагогическое общество при Новороссийском университете провело анкетирование среди учителей начальных школ и заявило, что учителя «единогласно сочувствуют упрощению современного русского правописания». Члены общества утверждали, что школьники терпеть не могут диктантов, что обучение слишком сложному правописанию отнимает массу времени, которое можно было бы потратить с большей пользой, что школа должна в первую очередь учить мыслить и выразить

свои мысли. Те же идеи звучали и на прошедшем в 1914 году Всероссийском съезде по народному образованию. Да и где их только не высказывали!

Высшее образование было нужно только для того, чтобы показать, что оно недоступно малограмотным

Фото: Roger-Viollet / AFP / EASTNEWS

Сетования по поводу чрезмерной сложности русской орфографии не могли не привести к появлению практиков, предлагавших свои проекты орфографической реформы. В 1889 году появилась брошюра профессора Л. Ф. Воеводского «Опыт упрощения русского правописания», в которой предлагались новые орфографические правила. Здесь не было места буквам «ять», «фита» и твердому знаку на конце слова, зато вводилась буква «h», которая передавала особый вариант звука «г» (как в украинском языке) в словах «Бог», «Господь» и «когда».

Другой проект реформы предложил учитель А. Г. Герасимов, издавший брошюру с безумным названием «Подарок неизгнанного неба. "Рожок-сам-гудок", или Новые песни, новые речи, новая грамота». Герасимов предлагал ввести особую букву для обозначения мягкого «ж» — «ж» с хвостиком, как у «щ», вместо «ё» использовать букву «?», «так как начертание "ё" по своей отрывчатости при письме и пестроте при чтении не вошло в общее употребление», исключить буквы «і десятеричное», «ять» и «фита», местоимение «что» записывать как «што» и т. д.

Самым радикальным из подобных проектов был орфографический проект руководителя курсов счетоводов Ф. В. Езерского, придумавшего всеобщий алфавит. В своей азбуке он объединял кириллические и латинские буквы. Таким образом он хотел создать универсальный алфавит, доступный не только русским крестьянам, но и всему человечеству. Его орфографические опыты были опубликованы в виде отдельной брошюры, куда вошла также небольшая хрестоматия, содержащая ряд классических стихотворений, набранных реформированной азбукой. Выглядело это вот так:

«Бура· мгlou·небо kroet, //Vixrisnejni·ekruta // То, как zve·r·onazavoet,
// То заплачет, как dita·, // То по krovle obvetshaloi~//Vdrug
solomoi~zашумит, // То, как putnikzapozdalii~, // К namv окошко
zastuchit».

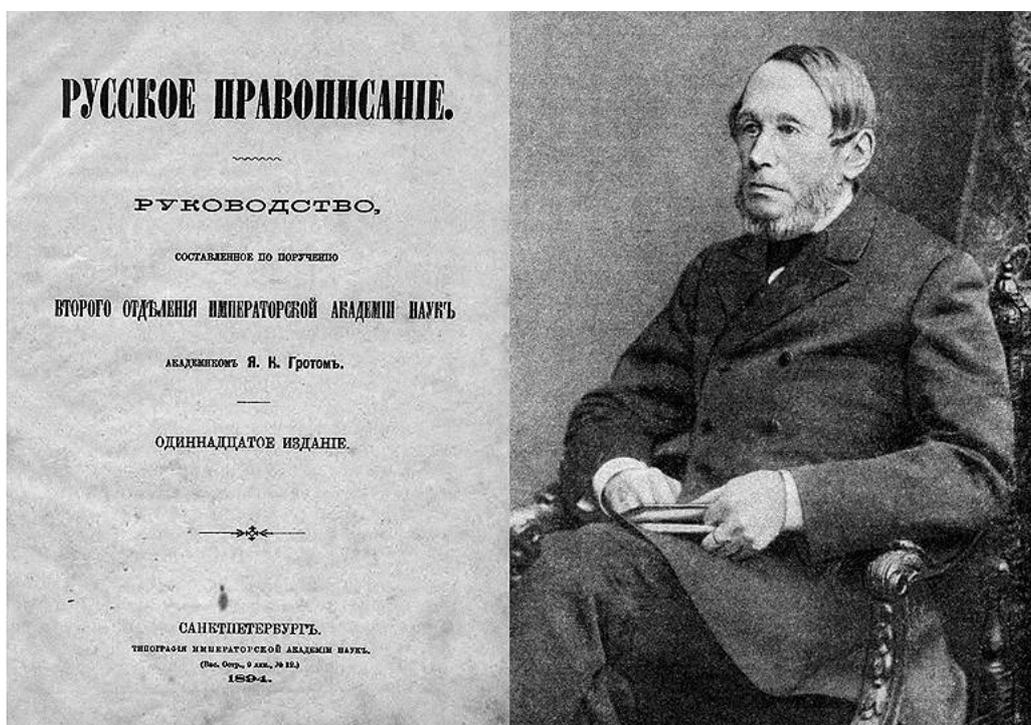
Понятно, что подобные орфографические эксперименты являются курьезами, а не чем-то серьезным. Но они свидетельствуют о том, что общество ждало реформы орфографии.

Академическая наука

Благодаря великому князю Константину Романову к реформированию орфографии подключилась Академия наук
Фото: Ullstein bild via Getty Images

В 1904 году к работе над проектом реформы подключилось академическое сообщество. Это произошло благодаря главному начальнику военно-учебных заведений великому князю Константину Романову, который обратился в Академию наук с запросом, в какой степени классическое пособие по орфографии Якова Грота — на него было ориентировано все школьное преподавание — авторитетно для ученых. (В скобках можно заметить, что Константин Романов возглавлял также и Академию наук, так что в административном плане он обращался сам к себе). На этот запрос академия ответила, что предложенные Гротом правила не являются абсолютom и что возможны и другие системы русской орфографии.

Благодаря запросу великого князя Константина Романова выяснилось, что «Русское правописание» Я. К. Грота, на которое ориентировалось все школьное преподавание, является лишь частным мнением Грота

На пафосном заседании, которое прошло под председательством великого князя, было решено готовить официальный проект реформы правописания. К 1912 году был подготовлен проект реформы, который и был положен в основу всех последующих реформ. Но подготовкой проекта все и ограничилось, а сами перемены были отложены на неопределенный срок.

Пока ученые и чиновники размышляли о светлом будущем русской орфографии и трагической судьбе буквы «ять», в общественном мнении будущая реформа стала знаком демократии и прогресса. Если вы

прогрессист, то просто обязаны ратовать за кремацию трупов, женское равноправие, парламентаризм и реформированную орфографию. А если вы охранитель, то прекрасно понимаете, что все эти сомнительные нововведения изобрели враги России.

Парламентаризм и орфография

После Февральской революции о реформе заговорили уже на государственном уровне. Весной 1917 года была образована специальная комиссия, которая должна была составить проект долгожданной реформы. Подготовленный этой комиссией документ лишь незначительно отличался от того проекта, который был составлен в 1912 году по инициативе великого князя Константина Романова.

Предусматривалось исключение из алфавита букв «ять», «фита», «і десятеричное», а буква «ер» («ъ») сохранялась только в качестве разделительного знака. То есть теперь следовало писать «хлеб», а не «хлѣбъ», «Ферапонт», а не «Ферапонть», «развитие», а не «развитіе».

Вместо окончания «-аго» у прилагательных следовало писать «-ого», то есть вместо «великаго» предлагалось писать «великого». Кроме того, унифицировались написания некоторых именных окончаний, в результате чего вместо «однехъ, однемъ, одними» следовало писать «одних, одним, одними», а местоимение родительного падежа «ея» менялось на «её».

Временное правительство исходило из того, что орфографическая реформа — процесс небыстрый и никакое принуждение здесь не нужно. В конце весны — начале лета 1917 года Министерство народного просвещения объявило, что школьников теперь будут учить по новым правилам. При этом дореформенную орфографию никто не собирался запрещать.

Предполагалось, что две орфографические системы будут мирно сосуществовать. Те, кто привык к старым правилам, могли и не переходить на новые. Обязательной реформа была лишь для первоклассников, старшеклассники же могли писать так, как их научили

раньше. При этом первоклассникам рассказывали о существовании «ятя» и «фиты», чтобы у них не возникало проблем при чтении книг, изданных до реформы.

Однако на практике все выглядело не столь идиллически. Массовая школа — институт инерционный, и добровольно она не меняется. Педагоги не привыкли слушаться столь мягких указов. К тому же у них не было учебных пособий: к сентябрю так и не были напечатаны буквари и учебники, соответствующие новым правилам. Так что кроме энтузиастов, которых всегда меньшинство, учителя были пассивны и учебный год начался по-старому.

«Советы и предложения министерства относительно осуществления реформы,— сетовал один из педагогов,— лишены характера категорического приказа, к чему так привык среднешкольный педагог за многие годы, приняты были лишь к сведению, а не к исполнению правоверными защитниками гротографии, а также и теми, кто органически боится всяких новшеств в своем ближайшем деле».

Когда реформа приобрела статус государственного мероприятия, против нее стали выдвигаться обвинения политического характера. В публицистике тех лет можно прочесть, что изъятие из алфавита букв — это шаг, спровоцированный военными противниками страны, и что министр народного просвещения Александр Мануйлов просто пошел на поводу у врагов России, которые таким образом разрушают национальную идентичность русского народа.

«В истории нашей грамотности,— писал преподаватель Тульской семинарии Николай Троицкий,— от немецкого зачатия, появилась особая секта, по родителю — “мануиловщина”, а по догмату — “безъятники”... Они упорно вдавливают этот свой догмат в мысль учащихся всех русских школ, как будто и головы учащихся те же, что вывески на магазинах наших сограждан-иноплеменников... Надолго ли такое угнетение русской азбуки и речи? Кто знает, может быть, и оно исчезнет так же скоро, как был неожиданно быстро изъят министерский портфель из рук “товарища” Мануилова».

Как и многие другие реформы, начатые Временным правительством, реформа орфографии буксовала, и на ее успешное завершение оставалось все меньше надежд.

«Будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы...»

Может показаться странным, что большевики взялись за русскую орфографию всего лишь через пару месяцев после прихода к власти. Вроде бы были у них дела и поважнее. В конце 1917 года ни у кого не было уверенности в том, что народные комиссары продержатся долго. Все разваливалось, все трещало по швам. А тут какая-то буква «ять»! Однако большевистские вожди считали иначе.

В одной из статей А. В. Луначарский рассказал, как и почему было принято решение об упрощении орфографии. Во время одной из бесед с Луначарским Ленин говорил о том, что большевикам необходимо провести серию эффектных и заметных реформ. Пришедшей к власти партии было необходимо продемонстрировать, что она не только борется за власть, но и проводит долгожданные преобразования.

«Если мы сейчас не введем необходимые реформы,— говорил Ленин Луначарскому,— это будет очень плохо, ибо в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины».

Ленин и Луначарский полагали, что начатую Временным правительством реформу правописания вполне возможно выдать за большевистский проект
Фото: РИА Новости

Луначарский утверждал, что вообще-то Ленин хотел, чтобы в будущем русская письменность перешла на латиницу, но не решался сделать это немедленно. А вот проект Временного правительства, за которым стояла многолетняя академическая работа, вполне можно было выдать за свой собственный. Как говорил Ленин,

«Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова, как никто не посмеет возражать против введения календаря».

Темпы проведения реформы были поистине большевистскими. Декрет Народного комиссариата просвещения, запрещающий печатать что-либо по старой орфографии, был опубликован 30 декабря, а вступал в силу 1 января. То есть в течение последнего дня года предстояло во всех типографиях страны изменить наборы шрифтов (вместо изъятых «ѣ» и «і» нужно было изготовить дополнительные литеры «е» и «и», которых теперь перестало хватать), переучить типографских наборщиков, корректоров и т. д. Нетрудно догадаться, что никто не спешил выполнять этот бессмысленный указ.

До осени 1918-го ничего не менялось, а затем начались репрессии. В октябре появилось постановление ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства) «Об изъятии из обращения общих букв русского алфавита в связи с введением новой орфографии». Этот документ требовал изъятия из наборных касс всех типографий исключенных из употребления букв и запрещал при изготовлении комплектов типографских шрифтов включать туда литеры «ять» и «фиту». Сохранение опальных букв грозило владельцам типографий серьезными репрессиями. И народ стал переучиваться.

«Революция,— вспоминал об этом постановлении Луначарский,— шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить колеблющихся подчиниться решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался Володарский: именно он издал в тогдашнем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство отвечающих за типографию людей и с очень спокойным лицом и своим решительным голосом заявил им: “Появление каких бы то ни было текстов, напечатанных по старой орфографии, будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы”. Володарского знали. Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому, к моему и многих других изумлению, с этого дня — в Петербурге, по крайней мере,— не выходило ни одного издания по старой орфографии».

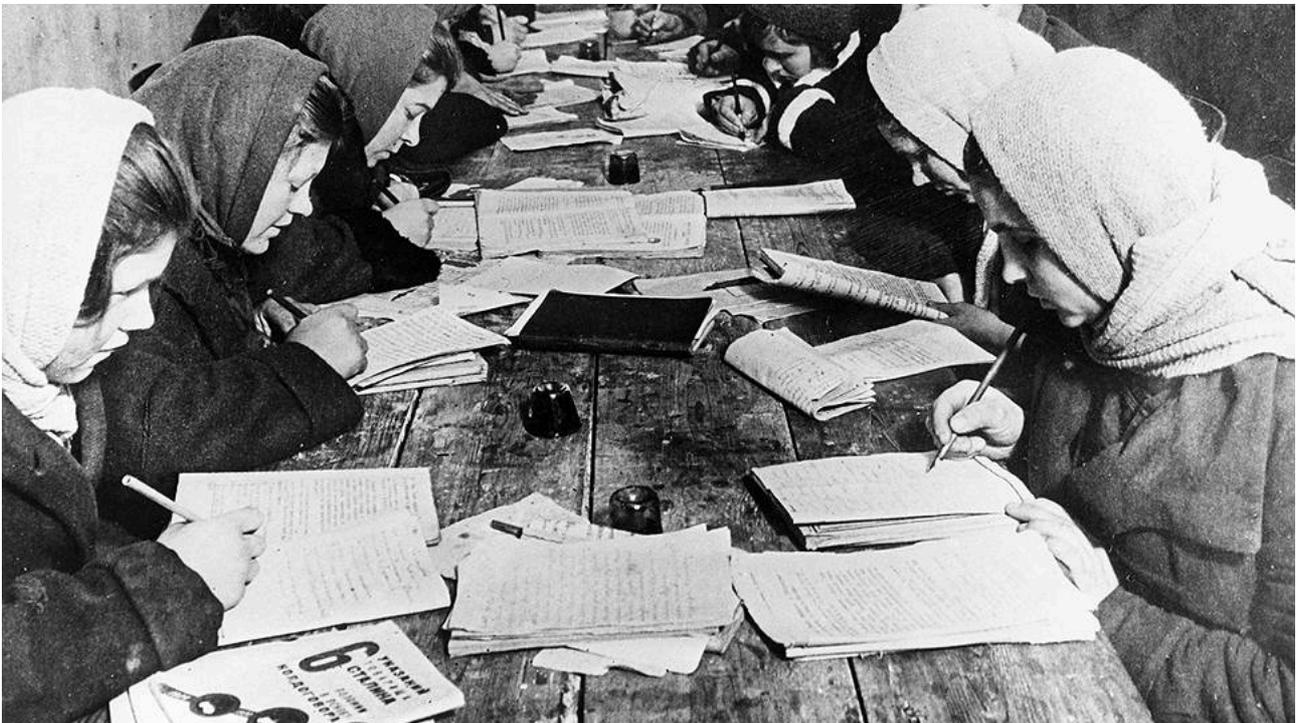
Репрессии, которые постановление ВСНХ обещало всем, кто рискнет издавать книги по старой орфографии, и были тем новым, что большевики сделали для русского письма. Государственная машина и карательные органы реализовали проект Временного правительства и выдали его за собственный. Буквы из типографских касс исчезли (иногда изымали и твердые знаки, потому в некоторых изданиях первых послереволюционных лет вместо разделительного твердого знака используется апостроф). Даже идейным консерваторам пришлось смириться.

В церковном календаре на 1919 год, который печатался как раз в конце 1918-го, имеется вот такое уведомление: «Православный календарь набран по новой орфографии. Так потребовал Отдел по делам печати; только под этим условием им разрешено печатание календаря».

Любовь к старой орфографии очень долго воспринималась как демонстрация нелояльности. Показательной в этом отношении была судьба академика Д. С. Лихачева, который был отправлен на Соловки за то, что в дружеском объединении «Космическая академия наук» сделал шуточный доклад о преимуществах старой орфографии.

Шаг вправо, шаг влево — расстрел

В 1920 году началась кампания по ликвидации неграмотности, в результате которой, по данным переписи 1939 года, уровень грамотности в СССР приблизился к 90%. Новое поколение грамотеев училось уже по советским азбукам, конечно же, по новой орфографии. Причем новой была не только орфография, но и отношение к ней.

Рабочие и крестьяне, не знавшие грамоту до революции, учились уже по новым правилам
Фото: Sovfoto / UIG via Getty Images

Если старое русское правописание допускало значительную вариативность, то в советское время отношение к правилам стало куда более жестким.

Сложилась совершенно парадоксальная ситуация: демократизация русской орфографии привела к тому, что ее правила стали абсолютной догмой.

Вышедшие в 1956 году официальные правила русской орфографии и пунктуации были утверждены не только Академией наук СССР, но еще и двумя министерствами.

Они приобрели, таким образом, силу нормативного документа, закона.

Такого высокого статуса орфографические правила в России не имели никогда. Вот и получилось, что борцы с обязательными правилами и проповедники простоты запустили реформу, превратившую в конечном счете орфографические правила в нормативный документ.

В результате большевистской кампании по ликвидации неграмотности новая орфография быстро вытеснила и дореформенную, и крестьянскую
Фото: Corbis via Getty Images

Дольше всего продержалось старое правописание в изданиях русского зарубежья. Эмиграция видела свою миссию в сохранении русской культуры, уничтожаемой варварами-большевиками. Потому переход на «советские» правила правописания казался невозможным. Однако в последней четверти XX века новая орфография пришла и в эмигрантские издания. Это было связано с появлением новых эмигрантов, прошедших советскую школу. Сейчас по старой орфографии выходит лишь крохотная часть изданий русского зарубежья.

Поделиться Поделиться

 (https://kommersant.ru//profile.google.com/cp/CgkvbS8wNGJxcHM)
ИТЬ» в сервисах Google
Гугл

